

Конец света здесь уже однажды был. На цветущем острове в Эгейском море существовала культура, соперничавшая с Египтом и Вавилоном. И вдруг - столб огня до небес, вместо белого дня вокруг черная мгла и вставшее дыбом море. От острова и великой культуры осталась посреди вод только вылетевшая из преисподней подкова сатаны. Со временем она слегка поостыла, обветрилась и поржавела. На нее стали садиться чайки, а потом к проклятому богами месту вновь потянулись люди. На краях подковы, на обрывах полукилометровой высоты, они стали лепить свои игрушечные домики и раскрашивать их в разные веселые цвета. Так возродился Санторин.

Почему на этом буром куске лавы гнездятся едва ли не самые дорогие гостиницы необъятного греческого архипелага? Почему там ювелирных магазинов на единицу городской площади, пожалуй, больше, чем в любой европейской столице? Почему на остров тебя неумолимо, подсознательно тянет, как только оказываешься в радиусе трехсот километров от этой бывшей "черной дыры"? Понять это, не побывав в Санторине, невозможно.

Мы с товарищем отправились туда из Ираклиона, столицы острова Крит, банальным способом заказав в гостинице экскурсию. Добраться до Санторина нетрудно и из Афин - или на местном самолете (ежедневно несколько рейсов), или на кораблике. Посудина, правда, тащится по всем островам, лежащим по дороге, и такая прогулка длительностью 10-15 часов вряд ли имеет смысл, если не собираешься провести на вулкане хотя бы несколько дней.

Чуть засветло нас подобрал у гостиницы автобус и, по обычаю объездив на Критском побережье еще несколько постоянных дворов, привез сонных и скучных экскурсантов к борту многопалубного туристического парома. Трехчасовое шатание и сидение на палубах, разумеется, не заслуживает никакого внимания - если только после "отдачи концов" не начинать пить сразу и много. Но не в Петушки же мы ехали, право! Хотелось что-нибудь запомнить, главное и по существу. С недосыпа тихонько маясь, я присаживался то в одном уголке, то в другом и, тыкаясь носом в путеводитель, углублялся в историю удивительного острова.

Да, была когда-то, четыре тысячи лет назад, великая средиземноморская цивилизация. Легендарный царь Минос, правивший Критом и близлежащими островами, загадочный кносский дворец-лабиринт, мутант Минотавр, бродивший по дворцовым подвалам. Судя по археологическим находкам (по большей части они представлены в великолепной экспозиции музея в Ираклионе), это была самая светлая, самая жизнерадостная и самая мирная из всех древнейших цивилизаций. И вот в XV веке до нашей эры случилось самое мощное в истории человечества извержение. Один из островов, который спустя двадцать пять веков назовут именем святой Ирины (Santa-Irini), вылетел из Земли, словно затычка из бочки с перебродившим вином. По мнению ученых, мощность взрыва была в четыре раза сильнее, чем при чудовищном извержении Кракатау в 1877 году, и даже в далекой Скандинавии все живое должно было содрогнуться от грома, раздавшегося среди ясного неба, - фонтан раскаленной лавы вырвался наружу. Высота

волны цунами, покотившейся в стороны, достигала 210 метров! Побережье Крита вздыбилось от сотрясения земли и было накрыто огромной волной. Есть гипотеза, что предание о гибели Атлантиды - "историческая тень" той невиданной катастрофы.

Более позднее предание гласит, что первыми стали обживать на лунной поверхности Санторина герои сурового и неприхотливого племени дорийцев. Ну а потом - кого здесь только не было. В разное время остров принадлежал Афинам, Птолемям Египта, римлянам, византийцам. Потом - разбойным венецианским адмиралам. Еще какому-то - и не выговоришь! - герцогству Наксосскому. В XVI веке остров достался великому пирату Средиземноморья, турку Хайрадину Барбароссе, Красной Бороде. Но тот подарил Санторин своему испанскому "братку", авантюристу и бандюгану Хосе Наси. Потом пираты и прочие любители драться и грабить наконец повывелись, и маленький разноплеменной народец, освоившийся здесь вместе с чайками и лишайниками - монахи, земледельцы и скотоводы, - смог дышать спокойно на земле, которую между тем то и дело продолжало потряхивать. То несильно, то как следует, никто, верно, даже в самых жарких молитвах не чаял, что когда-нибудь сюда рекой потекут "легкие деньги" безоружной и праздной курортной публики...

Между тем солнце встало, эгейские волны празднично засверкали, ветер потеплел, и я заметил вдали темную горбушку с четкой белой каемкой - точь-в-точь горная хребтина с нетающей снеговой шапкой. Почудилось, что весь остров окутан слабой, колеблющейся белесой дымкой. Легко было списать этот эффект на обман зрения, но иллюзия не проходила.

Когда паром вошел во внутреннее пространство подковы, эта почти иллюзорная дымка затянула синеву над головой, и - новая иллюзия? - появилось явственное ощущение, будто я оказался внутри некоего поля высокой напряженности, некой ауры, сгустка энергий. То водное пространство и образовалось как раз на месте средней части острова, некогда взлетевшей в небеса. Мы проплыли мимо двух бурых, совершенно безжизненных островков, что торчали из воды почти в центре "озера". Именно так, вполне миниатюрно и безобидно, выглядит теперь со стороны кратер вулкана.

Белая каемка на обрыве была не чем иным, как главным городом Санторина Фирой. Снизу, с моря, он выглядел декоративной лепниной на карнизе, эдакими архитектурными "сухариками". Каково же было наше удивление, когда основная, самая плотная часть города и вправду оказалась лепниной на головокружительной высоте! Что за народ?! Нет бы отодвинуть городок подальше от края, в глубину острова! Зачем громоздиться друг на друге, наращивая чуть ли не отрицательные углы над бездной? Что за вызов судьбе? Нельзя же поверить в то, что все эти акробатические трюки под куполом цирка устроены специально для туристов - чтобы те, запрокидывая головы, разевали рты и теряли бейсболки. Уму непостижимо!

Еще когда мы поднимались к городу на автобусе, нас весело страшила экскурсовод, русская девчушка-контрактница, бойко лопатавшая на разных языках. Но, естественно, экскурсия шла на английском, и девчушка, сделав суровое лицо, стала утверждать, что сон старого вулкана становится все беспокойнее, что с середины прошлого века он все

чаще урчит и попыхивает, и вообще с года на год ждут большой-пребольшой встряски. Все в молчании смотрели на чудесные "ласточины гнезда", ведь стоит тряхнуть посильнее - и все они посыплется вниз.

Фактически городок состоит из двух параллельных улочек, похожих на проторенные термитные ходы. На главном туристическом "бродвее", шириной метра полтора, всегда движется плотная масса любопытных муравьев. Обе стороны улочки - сплошная и, увы, ничем не примечательная "ювелирка". Но течение все время что-нибудь прихватывает из нее и уносит в потоке - хотя цены отнюдь не ниже, чем в Афинах или в Ираклионе. Неспроста - ой, неспроста! - подкова дьявола унижена этим золотым ожерельем.

Спасаясь из потока, мы юркнули на свет в какой-то переулочек - и очутились в трехмерном лабиринте лесенок и двориков, висевшем над морем. Было множество предупредительных знаков: шаг в сторону - и участь Икара вам уготована.

Да, тут была красота, за этими картинками стоило приезжать. Конечно, жители превратили свои дворики в декорацию для фотосъемки. Но с какой любовью! С каким дизайнерским блеском! Белые авангардистские кубики с арочными навершиями (это чтобы выдержать землетрясение), синие двери, красные и желтые углы. Что-то среднее между кукольным мультфильмом и наимоднейшей шоу-рум. На три четверти город со стороны пропасти - это многоэтажное открытое кафе, в которое вкраплены очаровательные церковки с ярко-синими маковками.

Вулкан, главная угроза этой красоте, выглядел отсюда черной бесформенной лепешкой посреди моря. Ветерок доносил от него едва приметный сернистый запах. Можно было поехать туда на катере. Только не в курортной обуви - ничего не стоит обжечь подошвы - и лучше с респиратором. Земля там местами горячая, серный дух еще тот, море вокруг, как в процедурной ванне санатория. Зато полное ощущение первозданности мира. Многим придется по душе.

Чем еще славится Санторин, так это небольшим вулканическим пляжем и своим особым, древним вином. Ну, пляж - он и есть пляж, только... черный. Лежишь на нем и печешься, словно картошка в золе. А вот вино - это отдельная история.

Вино - красное, называется "византе" и делается именно так, как в основном делали его древние греки. То есть сначала собранные гроздья винограда достаточно долго - до определенной меры усыхания - выдерживаются на металлических решетках под открытым солнцем. Последующие процессы ведут к тому, чтобы напиток получился максимально крепким для сухого вина - что-то около 14 градусов.

Так вышло, что время пребывания на острове уже подходило к концу, а у нас еще и капли этого редкостного вина на языке не побывало. Вернувшись в Фиру, мы, уже порядком уставшие, стали сновать, как белки, вниз-верх по тавернам. Я по-военному четко просил на английском языке стаканчик "византе". К нашему впервые неприятному удивлению найти искомое оказалось непросто. Было начало пятого пополудни - важная деталь! - когда наконец на одной тенистой терраске важная хозяйка с едва заметным

недоумением переспросила: "Византе". Я кивнул: "Византе".

- Лучше не надо, - покачала она головой.

- Why?! - обомлел я.

- It is too strong for this time, - буквально ответила она.

- FOR RUSSIANS NEVER AND NOTHING IS TOO STRONG, - вулканически прорычал я.

Не моргнув глазом, хозяйка повернулась ко мне спиной и через минуту появилась с бокалом, полным до краев вожделенным "византе". Она важно протянула мне бокал и вновь удалилась. Мы сели за столик одни-одинешеньки во всей таверне. Я сделал первый глоток.

Вино, конечно, было очень хорошим. Нечто, скажем, среднее между "кабернэ" и приличным "хересом", только посуше и букетом потоньше. Но чего-то не хватало для полной гармонии. И вдруг я понял - чего. У меня в сумке таилась непочатая походная бутылочка "ракии", ясной, как слеза, виноградной водки острова Крит. 43 градуса! Я отпил еще пару глотков, потом хрустнул винтовой пробкой и, опасливо покосившись на хозяйскую дверь (ощущение было, как в антиалкогольную эпоху), добавил "ракию" к "византе" в пропорции, примерно, один к трем. О, если бы хозяйка узнала, какое тут "too strong for this time"!..

И вот тогда наступил момент истины. Как раз в эти мгновения на небесах и белых стенах городка появились первые цветковые оттенки приближавшихся сумерек. Путеводители не лгут. На Санторине уникальные закаты. Отсветы подземной неукротимой магмы поднимались над морем. Апокалиптический багрянец покрывал мир.